

26.95x32.61	1	עמוד 32	נובוטטי נידלי - ורמיה נובוטטי	06/03/2025	93346790-1
בנימין זאב הרצל - בהקשר לציונו - 80790					

לא, את וגנר לא לימדו בכיתה, אבל היתה ספרייה נפלאה שבה אפשר היה לשאול תווים והקלטות עם יצירותיו של המלחין ה"אסור" הזה בישראל. זהו בד גדול היקף בעברית, שנוצר בישראל על ידי מלחין ישראלי, והוא מוקדש לדמות פולחן עבורנו כמו תיאודור הרצל. הוא למד בבית הספר המפורסם תלמה אלין, לפני כן למד מוזיקה באופן פרטי: פסנתר וגיטרה. *%#* סיפור מוזיקלי על איך יהודי אחד בשני אנשים חלם להפוך לארי אמיתי, אבל הפך למבשר המדינה היהודית, או שיחה עם המלחין יונתן כנען על סודות הקמתה של האופרה הלאומית הישראלית הראשונה ואדים מלב הרצל בלי זקן האופרה "תיאודור חוזרת לבמה". "כל מה ששמעתי בילדותי ובנעוריי היה הפעם הראשונה ושימח אותי", אומר המלחין. ואז הוא עצמו עזב לארצות הברית עם חבר שלמד להיות זמר אופרה, והמשיך את לימודיו מעבר לים. הייתה טקלה שבה שר והתאהב במוזיקה מקהלתית - "רוויאם" של כרוביני ואחרים. כשהתחילה הפסקה, נחננו, הבנים, נצמדנו לשני פסנתרים שעמדו בכיתה, והמשחק התחיל על כל אחד מהם: ארבע ואפילו שש ידיים. זוהי למעשה האופרה הלאומית הישראלית הראשונה, כשם שעבור האמנות הרוסית האופרה הלאומית הראשונה הייתה "איוואן סוזאנין" (ליתר דיוק, "חיים למען הצאר"), ולא האופרה של סוקולובסקי "הסוחת - מכשף, רמאי ומריבות", שנכתבה קודם לכן. בגיל 11-12 הוא העדיף לשים את הגיטרה גבוה יותר מהפסנתר, אף אחד לא נזף בו על כך שהוא מעדיף מוזיקה קלה על קלאסיקות, אלתורים ולא סולמות. הוא בחר באחד מאיתנו שלא הבין בו בזמן ולא עצר, תפס אותו וניער אותו, ואז צעק משפט שזכרתי עד סוף חיי: "על מה, טיפש. אבל התברר שהוא כל כך שמח, כל כך מוצלח. שהם התחילו להזמין אותו בערים שונות בישראל, בפסטיבלים, ואז הזמינו אותו לאנגליה. אבל תסמו את המילה שלי, הסערה הזאת תירגע ו"תיאודור" יוכר בעולם. אבל בתוך האושר שלנו, הופיע במאי חמור סבר בשם ברנוב והביט בזעם באלתורים. הוא ראה רק אהבה גם בבית וגם בבית הספר. - עידו ואני קראנו בשקיקה את יומניו של הרצל, את כל הסיפור עם "אלביה" הגרמנית והזדעזענו. ואז הוא התחיל לחשוב שזו דרכו. אלה הם חברו של הרצל פאול (תפקיד הקול הנשי הוא שקד סטרול), והרמן, יורג אנדוט הסטודנטים בווינה (יאיר פולישצ'וק) ואחרים. שאלתי אותו: "ואיפה כל המלחינים האלה. אחר כך שירת בצבא, ולא איפשהו בתזמורת, לא במחלקה מוזיקל

Музыкальная история о том, как один отдельно взятый еврей в двух лицах мечтал превратиться в истинного арийца, а стал провозвестником еврейского государства, или Разговор с композитором Йонатаном Кнааном о тайнах создания первой израильской национальной оперы

Вадим МАЛЕВ

На сцену возвращается опера «Теодор», написанная израильским композитором Йонатаном Кнааном. Это действительно первая израильская национальная опера, как для русского искусства первой национальной оперой стал «Иван Сусанин» (точнее «Жизнь за царя»), а не опера Соколовского «Мельник – колдун, обманщик и сват», написанная раньше. Это масштабное полотно на иврите, созданное в Израиле израильским композитором, и посвящено оно такой культовой для нас фигуре, коей является Теодор Герцль. Если вы меня спросите, «Идти или нет?», я отвечу: «Обязательно! Как можно пропустить национальную израильскую оперу?»

...Мы сидим в одном из кафе северного Тель-Авива с чрезвычайно обаятельным автором «Теодора» Йонатаном Кнааном.

Вся семья его - выходцы из России. Его предки из местечка Черток Гродненской области, откуда вышло немало выдающихся людей, включая нашего премьер-министра Моше Шарета, которому они были родственниками. В детстве слышал много русских песен со словами на иврите.

Часть его семьи - серьезные врачи, стоявшие у основания нескольких израильских больниц. Отец, доктор Габи Кнаан, - директор больницы «Зив», а вот его мама - гуманитарий, привившая ему любовь к музыке и искусству. После развода родителей рос с матерью, поэтому нельзя считать сюрпризом, что он выбрал эту стезю. Брат композитора - заведующий кафедрой философии Тель-Авивского университета.

Он учился в известной школе Тельма Елин, до нее занимался музыкой частным образом: на фортепиано и гитаре. И, конечно, в его жизни не было ника-

ГЕРЦЛЬ БЕЗ БОРОДЫ

кой муштры, он уделял больше времени импровизациям и сочинению песенок.

Вспоминаю свою музыкальную школу, и это вечное наказание музыкой! Ах, как нас ругали за импровизацию! Когда начиналась переменка, мы, мальчишки, облепляли два рояля, стоящие в классе, и начиналась игра на каждом из них: в четыре, а то и шесть рук. Что мы играли? Популярные мелодии, песни «Битлз», Элтона Джона, Клиффа Ричарда. И импровизировали на эти мелодии. Но в самый разгар нашего счастья появлялся суровый директор по фамилии Баранов и разъяренно смотрел на импровизаторов. Выбрав одного из нас, кто вовремя его не заметил и не остановился, он хватал его и тряс, потом кричал фразу, которую я запомнил на всю жизнь:

«О чем, дурачина? Позоришь!»

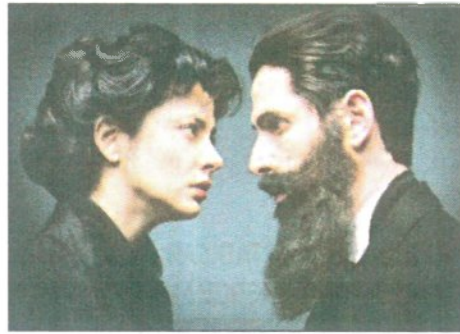
Часто этот концерт заканчивался для некоторых стоянием у его кабинета в виде наказания. Ну или вызовом родителей в школу.

Счастливый Кнаан не учился при совковой муштре. Он видел и дома, и в школе только любовь. Музыка почему-то не преподавалась в виде некоего наказания. В 11-12 лет он скорее ставил выше гитару, а не фортепиано, его никто не ругал за то, что он предпочитает легкую музыку, а не классику, импровизации, а не гаммы. Увлекался роком, все это только поощрялось. Мама думала: пусть получает удовольствие от музыки. В школе дети создали театральный кружок, и Йонатан писал музыку к некоторым спектаклям. И директор все это поощрял. И тогда он стал думать, что это и есть его путь. Хотя там было больше джаза, чем классики. Но в старших классах он уже познакомился с различными корифеями, включая запрещенного Рихарда Вагнера. Нет, Вагнера не преподавали на уроках, но там была чудесная библиотека, где можно было взять ноты и записи с произведениями этого «запретного» в Израиле композитора. Может, публичное исполнение на концертах было зап-

решено, но в учебном заведении взять диск, запись не возбранялось. Он также с удовольствием слушал 2-й концерт Рахманинова, Чайковского.

«Все, что я слышал в детстве и юношества - это было первый раз и приводило меня в восторг», - говорит композитор.

Потом он отслужил армию, причем не где-то в оркестре, не в музыкальном взводе, а в боевых частях. Затем продолжил более фундаментальное образование в Тель-Авивском университете на музыкальном факультете по классу композиции. Там был хор, в котором он пел,

и влюбился в хоровую музыку - «Реквием» Керубини и др. Нашелся преподаватель, который пытался заинтересовать его оперой - и успешно. Это обучение продолжалось четыре года. Каждый год открывался новый класс композиторов. Где обучалось от 6 до 10 человек.

Я спросил его:

- И где же все эти композиторы?

- Хороший вопрос, - ответил Йонатан. - Некоторые из них совмещали композицию и фортепиано, и в итоге выбрали фортепиано. Часть уехала за границу.

А далее и сам уехал в США с подружкой, которая училась на оперную певицу, и продолжил образование за океаном. Учился в Индиане, где хорошие оперные традиции, и многое почерпнул там.

В 27 лет вернулся домой. Очень увлекался историей и хотел написать оперу на исторический сюжет. Но этот план пришлось отложить.

Хороший знакомый предложил написать мюзикл к стихам Сами Шитрита, выходца из Марокко («Песни в Ашдоде»). У него интересная судьба. Сначала он сочинялся ради... одной постановки. Но она оказалась такой счастливой, такой удачной, что ее стали заказывать в разных городах Израиля, на фестивалях, а потом пригласили в Англию. И оттуда постановка начала свое шествие за рубежом...

Сами Шитрит ему впоследствии скажет:

«Твоя музыка превратила марокканские стихи в израильские».

По мне - так это фантастический комплимент.

Потом последовал еще один: «Грета и космическая гонка» про девочку, влюбившуюся в Юрия Гагарина. Затем была рок-опера о Шабтае Цви «Машиах». После нее Кнаан стал уже довольно из-

вестным композитором, но все еще ждал свой звездный час.

И он пришел. Ему позвонили из Оперы в самом начале пандемии с предложением написать оперу о «нашем все» - Теодоре Герцле. Либретто они писали фактически вдвоем с постановщиком оперы Идо Риклиным. Вернее писал, конечно, Риклин, но немало советовался с композитором.

Как рассказать о Теодоре? Музыканты решили поведать о «Герцле без бороды», то есть не о Герцле, выступающем с трибуны Первого Сионистского Конгресса или базельского балкона, а представить юношу, студента, мечтающего стать частью немецкого народа.

Но зрелый Герцль им тоже был нужен. Так появилась безумная, но ставшая в конце концов счастливой идея с участием двух актеров - двух Герцлей.

- Мы с Идо взахлеб читали дневники Герцля, всю эту историю с немецкой «Альбиной» и были потрясены. Мы подумали: вот то, что нам нужно! История, как два еврея мечтают стать «истинными арийцами», частью немецкого народа.

Но запоминаются не только два Герцля. Великолепна роль жены Герцля (Анат Чарны)! Кстати, поначалу для нее почти не было арий. Для этого персонажа предназначалась эпизодическая роль. Но Риклин и Кнаан сделали ее главной. Другие партии тоже не проходные, а особенные, запоминающиеся. Это и друг Герцля Пауль (роль для женского голоса - Шакед Струль), и Герман, председатель Студенческого союза в Вене (Яир Полищук), и др.

Каждый день Кнаан созванивался с Риклиным и фонтанировал идеями:

«Идо, я написал арию для трактирщицы. Ты должен послушать!»

Риклин был удивительно гибок. Так мы получили несколько дополнительных персонажей.

Оперу создавали в течение двух лет. И на выходе получился настоящий шедевр.

В наше время, когда Израиль ведет войну, и так неодобряем всем миром, показывать за границей оперу о Герцле - не лучшая идея. Но помяните мое слово, уляжется эта буря и «Теодора» признают в мире. Потому что опера просто великолепна. И по музыке, и по драматургии, и по постановке.

А у вас есть отличный шанс самим ее послушать и составить свое мнение. Ручаюсь, вы мне скажете «спасибо».

Фото автора, Йоси Цвеккера и Александра Ханина